

Сельская экономика далекого приграничья: природные активы и теневая занятость¹

И.П. ГЛАЗЫРИНА, доктор экономических наук,
Институт природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет, Чита.
E-mail: iglazyrina@bk.ru

Г.М. АГАФОНОВ, Институт природных ресурсов, экологии и криологии
СО РАН, Чита. E-mail agmles51@gmail.com

В статье обсуждаются вопросы экономической самоорганизации сельских поселений в отдаленных районах на востоке России. Установлено, что домохозяйства с «теневой занятостью» активно и эффективно используют в своей экономической деятельности природные активы. Показано, что современная трансформация институтов управления природными ресурсами создает угрозы как с точки зрения эффективности использования, так и сохранения ресурсов. Сделан вывод, что попытки «для пополнения бюджетов» ввести некоторые новые формы отношений между государством и природопользователями порождают риск роста трансакционных издержек, а также дальнейшего ухода в «тень» и миграционного оттока населения.

Ключевые слова: экономическая самоорганизация, «эффект колеи», промысловая охота, трансакционные издержки, теневая деятельность, сельская экономика, природные ресурсы

Дискуссия о развитии аграрного сектора России идет на страницах «ЭКО» уже много лет. Отмечая успехи отечественного сельского хозяйства, мы тем не менее склонны поддержать своих коллег, предостерегающих от преувеличенного «статистического оптимизма» [1, 2]. Наряду с радующими глаз суммами растущей господдержки АПК и увеличивающимися стоимостными показателями производства продукции, нельзя не замечать продолжающейся деградации и депопуляции огромного количества сельских территорий, обусловленных крайне низким уровнем жизни сельского населения, массовой безработицей, алкоголизацией, утратой нравственных ценностей [3]. Эти тревожные тенденции особенно характерны для тех сел, которые находятся

¹ В статье представлены результаты, полученные в рамках Комплексной программы СО РАН № П.2 П «Интеграция и развитие», проект № 0386–2015–0001 (разделы 1, 2) и проекта РНФ № 16–18–10073 (разделы 3, 4).

вдали от крупных поселений, способных обеспечить более или менее существенный спрос на продукцию сельского хозяйства. Для таких небольших сел постановка задачи в контексте привлечения инвестиций в производство и переработку часто просто не имеет смысла.

Однако «аграрный сектор России – это не только производство, но и образ жизни и способ освоения колоссальных пространств» [4. С. 4]. В отдаленных регионах на востоке страны существенную роль всегда играли вековые традиции способов производства, форм самоорганизации, позволяющие вести устойчивое хозяйство. Мы хотим показать, что такая «зависимость от колеи» (path dependence), которая часто рассматривается как консервативный фактор, может обладать большим позитивным потенциалом. Однако она может быть и уязвима в условиях некачественного управления, создающего высокие трансакционные издержки и ложные стимулы.

Особенности сельской занятости

Одна из самых больших проблем на селе – безработица, которая в разных регионах имеет свои особенности [5]. В районах Сибири и Дальнего Востока, богатых природными ресурсами, население научилось находить собственные пути для решения вопросов занятости. Приведем результаты эмпирических исследований 2007–2015 гг., проведенных для одного из типичных муниципалитетов Забайкальского края с явно выраженной природно-ресурсной ориентацией (на Байкальской природной территории). Характерными особенностями подобных поселений являются удаленность от региональных и районных центров, отсутствие железных дорог, ограничения связи, а иногда и электроснабжения. Так, в рассматриваемом муниципалитете на конец 2016 г. отсутствовала сотовая связь, электроснабжение обеспечивала дизельная установка, работавшая неполные сутки².

Объектом исследования стали все домохозяйства муниципального образования «Мензенское» Красночикойского района Забайкальского края, которое находится почти на границе с Мон-

² Есть надежда, что запущенная в конце 2016 г. солнечно-дизельная электростанция позволит обеспечить бесперебойное и круглосуточное снабжение электроэнергией и другими современными благами – сотовой связью, доступом в Интернет, электронными услугами широкого спектра.

голией примерно в 180 км от районного центра. За 2007–2015 гг. количество усадеб сократилось со 125 до 119. В общей численности населения выросла доля пенсионеров и снизилась – людей трудоспособного возраста и детей. Доля лиц трудоспособного возраста, не имеющих официального места работы, в указанные годы устойчиво составляла около 40% [6], но не было ни одного зарегистрированного безработного (в целом по Красночикойскому району уровень зарегистрированной безработицы за рассматриваемый период колебался в пределах 5,9–6,5%). Рабочие места в селах обеспечивают школа, дом культуры, метеостанция, ФАП, предприятие «Строймонтаж» (энергоснабжение), ООО «Таежная компания» и несколько индивидуальных предпринимателей (в основном торговые точки). Крупнейшее сельхозпредприятие (СПК «Менза»), в котором ранее работало до 130 человек, находилось в процессе ликвидации. Образ жизни людей в таких поселениях практически одинаков, поэтому представленные данные достаточно характерны для забайкальского приграничья в целом.

Все домохозяйства были поделены на три группы, представленные в таблице 1. Почти все они в той или иной степени используют природные ресурсы: заготавливают сено для скота, занимаются охотой и добывают кедровые орехи. Кроме того, население заготавливает дрова, ягоды, грибы, лекарственно-техническое сырье для собственных нужд и для продажи.

Таблица 1. Использование природных ресурсов различными группами сельских домохозяйств в 2007–2016 гг., %

Домохозяйства	Доля в общей численности домохозяйств	Доля домохозяйств, использующих земли и природные активы			
		огороды	сенокосы	охота	добыча кедрового ореха
Все	100	95	68	48,7	45,3
I – в которых проживают только пенсионеры	35,2	33,6	17,3	7,4	5,2
II – в которых все взрослые члены семьи официально работают	18,5	25,7	33,3	25,9	29,3
III – в которых есть члены трудоспособного возраста, не имеющие официального места работы	40,3	40,7	49,4	66,7	65,5
Итого		100,0	100,0	100,0	100,0

Исследование показало, что семьи, в которых есть трудоспособные, но не трудоустроенные члены, довольно активно используют природные активы для пополнения домашнего бюджета, т.е. занимаются «теневой» деятельностью. Особенно это касается охоты и заготовки орехов, наиболее ориентированных на товарный рынок – для продажи за пределами сел. Наиболее доходна добыча кедрового ореха, хотя этот вид деятельности требует больших затрат труда и физической выносливости.

И хотя в целом население остается относительно бедным, за исследуемый период в домохозяйствах с «теневой занятостью» отмечены определенный рост благосостояния и положительная динамика улучшения жилищных условий, приобретения бытовой техники, а также техники для работы (табл. 2).

Таблица 2. Оснащение техникой сельских домохозяйств, 2016 г., %

Показатель	Тракторы с навесным оборудованием	Легковые автомобили	Грузовые автомобили	Мотоциклы
Среднее количество техники в расчете на домохозяйство, ед.	0,34	0,44	0,19	0,76
Доля обладающих техническими средствами домохозяйств, в которых есть трудоспособные члены с теневой занятостью	0,36	0,66	0,38	0,86
Доля обладающих техническими средствами домохозяйств, в которых трудоспособные члены официально трудоустроены	0,33	0,17	0,25	0,55

При этом большинство людей, находящихся в состоянии «теневой занятости», прекрасно понимают, что сегодняшний неопределенный статус в дальнейшем отрицательно отразится на их жизни. Отсутствие отчислений в пенсионный и медицинский фонды (притом, что они много работают в настоящем) не позволят им в дальнейшем пользоваться теми же возможностями, что и официально работавшим гражданам. Неудовлетворенность существующим положением проявляется в желании помочь детям найти «лучшую жизнь» в городе или за пределами региона. Это означает, что риск оттока населения из сельских приграничных районов остается высоким, несмотря на наличие ценных и востребованных на рынке природных ресурсов.

Богатство и бедность

Места Байкальской природной территории считаются очень богатыми с точки зрения качества и разнообразия природных ресурсов даже по меркам Сибири. Например, кедровники Хэнтей-Чикойского нагорья обладают лучшими показателями в своем ареале как по частоте урожайных лет, величине урожая, так и по жирности семян [6,7; 8. С. 85-88]. Здесь также расположены высокобонитетные охотничьи угодья, имеется значительный потенциал для развития разных видов круглогодичного туризма.

Однако наличие богатых природных ресурсов – это еще не гарантия экономического процветания. В Забайкальском крае к Байкальской природной территории относятся три района, экономические показатели которых вызывают недоумение резким контрастом с теми благами, которыми эти территории наделены (табл. 3).

Высокие показатели объемов производства в Петровск-Забайкальском районе связаны с масштабной разработкой месторождений полезных ископаемых, основным из которых является уголь. Относительно высокий уровень заработной платы в Хилокском районе отражает наличие структур Минобороны и «РЖД». На фоне этих данных парадоксальной выглядит информация о более низких оборотах розничной торговли в этих двух «богатых» районах, по сравнению с «сельским» Красночикоийским районом и даже со средним по региону показателем. Это объясняется тем, что через указанные районы проходит Транссиб, поэтому они имеют хорошие связи с двумя региональными центрами – Читой и Улан-Удэ, так что граждане с относительно высокими и средними доходами нередко предпочитают покупать товары за пределами своих населенных пунктов либо заказывают их в сети Интернет (железнодорожное сообщение облегчает доставку). Расположенный на границе с Монголией Красночикоийский район лишен железнодорожного сообщения и качественных автомобильных дорог. Поэтому доля локального потребления здесь существенно выше.

Удручающе выглядят доли собственных доходов районных бюджетов. И это связано отнюдь не только с масштабами теневой экономики. Даже в Петровск-Забайкальском районе, где объемы

легального (!) производства на душу населения почти в семь раз выше средних по региону, наполняемость районного бюджета собственными доходами не достигает и 50%.

Таблица 3. Социально-экономические показатели районов Байкальской природной территории в пределах Забайкальского края, 2015 г.

Показатель	Красночикоийский район	Хилокский район	Петровск-Забайкальский район	Забайкальский край в целом
Численность населения, чел.	18 594	29 667	18 033	1 087 452
Численность населения, % к 2009 г.	91,3	93,5	88,3	98,2
Средние душевые доходы, руб.	8 976,3	19 037	11 584,1	23 023
Средняя заработная плата работников организаций, руб.	25 694,3	34 470,5	27 715,7	32 695,3
Отгружено товаров собст. пр-ва, выполнено работ и услуг, млн руб.	1 339,25	1 087,21	24 127,2	215 192,7
В том числе на душу населения, тыс. руб.	72,0	36,6	1 338	197,9
Доля собственных доходов районного бюджета, %	15,9	28,1	47,9	-
Уровень зарегистрированной безработицы, %	5,87	3,1	1,56	
Доля жилфонда, обеспеченного (%):				
водопроводом	6,1	17,3	4,9*	52,3
горячим водоснабжением	4,5	10,1	3,2*	44,3
канализацией	5,1	16,5	4,6*	51,3
Объем розничной торговли на душу населения**, тыс.руб.	62,7	30,8	22,1	125,1

* – Без учета г. Петровск-Забайкальский.

** 2014 г.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

Увы, состояние региональных финансов на востоке страны также не позволяет надеяться на поддержку муниципалитетов из регионального бюджета в объемах, превышающих минимальные – для первоочередных расходов на социальную сферу [9, 10]. В этих условиях районные власти и местное сообщество практически не имеют шансов для реализации своих проектов и инициатив, даже самых разумных. В лучшем случае они могут получить лишь средства по целевым программам из федерального бюджета на решение задач, которые для них «сформулировали» где-то очень далеко. Это еще одно подтверждение того, что *конфи-*

гурация бюджетной системы РФ препятствует экономическому развитию муниципалитетов.

Следует отметить, что миграционный отток из районов Байкальской природной территории (и особенно – из «богатого» Петровск-Забайкальского района) выше, чем из Забайкальского края в целом. По-видимому, здесь главную роль играет качество жизни, которое во многом определяется условиями проживания. А они таковы, что трудно поверить, что такое еще бывает в XXI в.

Охота: потенциал самоорганизации и государственное регулирование

Позитивные результаты ведения сельского хозяйства, базирующегося на природно-ресурсных активах, в восточном приграничье преимущественно обусловлены сложившимися хозяйственными навыками и традициями, порождающими, с одной стороны, высокую способность местного населения к самоорганизации, с другой – правила неистощительного использования, гарантирующие устойчивость промыслов в долгосрочном плане.

Кедрово-промысловые зоны и охотничьи ресурсы находятся на территории участков лесного фонда, который остается в федеральной собственности, поэтому членов местных сообществ практически невозможно исключить из процесса их использования. То есть эти ресурсы являются, по терминологии Э. Остром, «общими» (common pool resources [9]).

Однако трансформация институтов управления природными ресурсами создала и продолжает создавать угрозы с точки зрения как эффективности использования, так и сохранения ресурсов. Особенно сильно пострадать от некачественного управления рискует промысловая охота (этим термином мы будем пользоваться и далее, хотя в настоящее время в разрешениях на добычу пушнины и мяса дичи используется определение «спортивная и любительская охота»). В этом виде экономической деятельности особую роль традиционно играют неформальные институты, которые непосредственно влияют на эффективность, техническую и экологическую безопасность промысла.

Совокупность участков обычно используется жителями местных поселений в течение многих лет и многими поколениями. В передаче знаний и информации, в создании и поддержании

инфраструктуры участков важнейшую роль играют традиции. Нерутинный характер работы (каждый день неизвестно, что произойдет во время охоты), высокий уровень самостоятельности при принятии решений обуславливают традиции обучения и передачи необходимых навыков с детства. Таким образом, участки охоты (а размеры угодий в Сибири и на Дальнем Востоке нередко измеряются сотнями тысяч гектаров) уже много лет распределены между охотниками и охотпользователями, которые соблюдают сложившиеся взаимоотношения и учитывают заложенный ранее порядок, а случающиеся конфликты разрешаются чаще всего без привлечения госорганов, самими членами сообщества. Что особенно важно – за многие годы сложились механизмы регулирования отношений и разрешения конфликтов практически без транзакционных издержек. Существование таких механизмов Э. Остром выделяет как одно из важнейших условий успешного управления общими ресурсами [11].

Разделение участков тайги на охотничьи хозяйства было заложено ещё во времена СССР, при создании охотхозяйственных предприятий. С началом реформ в конфигурации и составе этих хозяйств поменялись лишь собственники; специалисты разных уровней очень быстро создали работоспособную цепочку по закупкам и продажам пушной продукции – от охотника через оптовиков к пушным аукционам. Было налажено обеспечивающее снабжение: продуктами, патронами, другим снаряжением, организовано авансирование средств на начало промысла и на закупку пушнины в течение сезона. Роль государства в этом процессе сводилась к продаже лицензий и мониторингу за численностью промысловых животных. Государственная инспекция к промысловой охоте имела гораздо меньше претензий, чем к спортивной и любительской, где многократно участились случаи браконьерства. Закон «О животном мире» (1995) до сих пор можно считать одним из самых удачных нормативных актов: он не ломал существующую систему неформальных институтов саморегулирования и при этом обеспечивал почти все законодательные потребности отрасли.

В классической работе Э. Остром [12. С. 325, 419–422] приводится огромное количество примеров, когда управление общими ресурсами осуществлялось наиболее эффективно именно на основе неформальных (частично или полностью институционализированных) отношений в рамках сообществ, которые их использовали. Имеется немало примеров, когда попытки управлять общими ресурсами как частными благами,

предполагающими конкурентность и исключительность, снижали качество принятия решений и порождали высокие транзакционные издержки, часто неприемлемые.

Современные попытки регулирования промысловой охоты в России, к сожалению, идут преимущественно по второму – ложному – пути, внедряя в практику охотпользования арендные отношения, которые разработаны для других лесных ресурсов, прежде всего для заготовки древесины.

Так, аукционный характер распределения охотничьих угодий, предусмотренный «Лесным кодексом» и законом «Об охоте», убивает традиционность в организации охоты: выделение участка производится без учета всех накопленных ресурсов – материальных, организационных, транспортных, которые годами формировались для того, чтобы вести деятельность *в данном месте, в данных условиях*. Во главу угла ставится наличие денег у претендента, а не его опыт работы и грамотный подход к охотдеятельности в данных конкретных условиях.

Закон «Об охоте» предусматривает, что долгосрочные лицензии на право пользования животным миром, которые имеют большинство охотхозяйств, должны быть заменены охотхозяйственными соглашениями, которые в принципе можно заключить и без аукциона по специальным ставкам в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 490 от 30.06.2010. Неясно, на основании каких расчетов определялись эти ставки, но даже для богатых ресурсов Байкальской природной территории они представляются завышенными примерно в 10 раз – ставка установлена в размере 5 руб./га. При этом, по нашим подсчетам, на основе численности популяций и существующих цен на пушнину, среднегодовой выход товарной продукции составляет не более 5,35 руб/га, т.е. 70% от стоимости шкурок «съедают» арендные платежи. Такие ставки делают легальную промысловую охоту заведомо убыточной и вытесняют охотников в теневой сектор.

Принудительное заключение охотхозяйственных соглашений (уже есть признаки такой тенденции) приведет к тому, что охотники будут отказываться от значительной части своих бывших территорий из-за высокой арендной платы. В реальности они, вероятнее всего, будут пользоваться теми же угодьями, что и раньше, так как сколько-нибудь тщательный контроль на бескрайних просторах невозможен, но выполнять условия соглашений, в том числе по охране и контролю численности они будут обязаны

только на официально закрепленной территории. В результате вырастет доля угодий общего пользования, за которые будет отвечать (и нести соответствующие издержки) государство. При этом доходы государства как собственника ресурса скорее всего сократятся, так как рост доли «теневой» пушнины повлечет за собой разрастание «теневой» составляющей всей сбытовой цепочки. Усиление же контроля в целях пресечения нелегальных заготовок приведет к новым издержкам – без особых перспектив реального улучшения ситуации, поскольку речь идет о контроле за деятельностью на безлюдной территории на площади в миллионы гектаров.

Наши расчеты показывают, что, установив ставки за использование угодий в размере 0,3–0,5 руб./га, государство создаст и достаточную мотивацию для легализации промысловой охоты, и должный контроль за ресурсами со стороны пользователей, и сократит собственные издержки контроля. На этом пути может быть решена задача постепенного перевода «теневой занятости» в легальный сектор природопользования, в котором участники к тому же будут заинтересованы в поддержании высокого качества природных ресурсов, обеспечивающих их благосостояние.

Заключение: не стоит ломать «колею»

Государственные программы, в которых задача развития Дальнего Востока и Байкальского региона представлена как одна из приоритетных, появляются одна за другой, дополняются и «совершенствуются». Все необходимые слова о повышении качества жизни и создании мотивации для закрепления населения на востоке России там написаны. Однако, когда речь заходит о практическом воплощении этих идей, фокусом обсуждения становятся крупные проекты, требующие многомиллиардных инвестиций, которым государство готово оказать серьезную поддержку в разных формах.

При этом из поля зрения выпадает тот факт, что большая часть территории востока России – это огромные пространства с небольшими, далеко расположенными друг от друга населенными пунктами. И не всегда там есть объективные условия для мегапроектов, даже при наличии соответствующих природных ресурсов, не говоря уже об отсутствии спроса на произведенную

продукцию (не случайно все крупные проекты обречены быть ориентированными на экспорт за пределы региона и/или страны). Не оспаривая целесообразность некоторого количества таких проектов, мы хотели бы подчеркнуть, что задача развития востока России не только не может быть сведена к ним, но и что даже успешная их реализация ее не решит. Опыт ориентации на крупные проекты в агропромышленном секторе Сибири, даже в условиях государственно-частного партнерства и полной поддержки местной власти, далеко не всегда бывает успешным [13].

Безработица – действительно большая проблема для сельского населения [2], но в поселениях, где есть возможности для использования природных ресурсов, и главное – есть соответствующие навыки, традиции, неформальные регулирующие институты, еще более актуальной становится проблема легализации теневой занятости. Основными препятствиями для того, чтобы выйти из «серой» зоны предпринимательства, сами сельские жители считают сложность процедуры регистрации и (налогового и бухгалтерского) сопровождения их деятельности вдали от районных центров – то есть транзакционные издержки. Уровень временных и материальных затрат только для «сдачи отчетности» создает такие проблемы, что сельские предпочитают оставаться «в тени». В то же время новые нормативные акты, регулирующие промысловую охоту, могут еще больше расширить долю теневого сектора. Это негативно влияет сразу на несколько ключевых аспектов, принципиально важных для развития востока страны.

Во-первых, вынужденный «теневой статус», несмотря на возможность получения неплохих доходов, вызывает желание обеспечить детям более устойчивое жизненное положение и стимулирует миграционные настроения у молодежи и поддержку их старшим поколением. Во-вторых, страдают бюджеты и, вследствие этого – социальная сфера и инфраструктура поселений, что губительно сказывается на качестве повседневной жизни и опять-таки порождает миграционные настроения. Поэтому значительная и наиболее активная часть населения, прежде всего, молодое поколение, покидает сельские поселения в надежде найти в других местах более экономически и психологически комфортное место в жизни.

Ясно, что миграционные процессы в какой-то степени идут практически всегда и везде, проблема – в их масштабах и устойчивости тенденций. В нашем случае

применительно к удаленным сельским районам востока России важно, что факторы «первой природы» (по выражению П. Кругмана [14]), представленные богатыми природными ресурсами, могут обеспечивать и обеспечивают определенный уровень благосостояния и его положительную динамику. Более того, факторы «второй природы» – сложившиеся неформальные институты – способствуют кооперативному поведению субъектов природопользования, несмотря на высокую конкурентную среду. Можно сказать, что здесь мы имеем пример одного из локальных институтов «позитивного сотрудничества» [15], приводящего к достижению неплохих экономических результатов, экологической ответственности – саморегулированию отношений с минимальным участием и затратами государства. Поэтому в данном случае задача государственного регулирования – это развитие институтов, учитывающее позитивные факторы «эффекта колеи» и потенциал самоорганизации, а не «ломка» сложившихся отношений.

В частности, необходимо устранение барьеров для легализации товарного производства домохозяйств и снижения доли теневой занятости. Принципиально важным является вопрос о плате за использование ресурсов. Неадекватность ставок для промысловой охоты – следствие гипертрофированной централизации принятия решений (на уровне региона вряд ли кому-то пришла бы в голову мысль установить такой уровень платежей³). Попытки «для пополнения бюджетов» ввести те формы отношений между государством и природопользователями, которые обычно используются для ресурсов, обладающих свойствами «исключаемости» (в частности, аукционы), приведут лишь к росту транзакционных издержек как государства, так и природопользователей. Последние ответят на это доступными им способами – дальнейшим уходом в «тень» и/или миграционным оттоком в города, а также из регионов Сибири и Дальнего Востока. Таким образом, из экономической деятельности будет постепенно уходить один из сегментов экологически ответственного природопользования на основе возобновляемых ресурсов. Хотя строительство карьеров и трубопроводов дает более масштабный эффект в стоимостном выражении, но уже сейчас ясно, что это – по многим причинам – не должно оставаться доминирующим видом использования природных ресурсов в России.

³ Вопрос об уровне платежей и процедурах их использования затрагивает проблему «экосистемных услуг» и заслуживает отдельного рассмотрения [16, 17].

Литература

1. Гумеров Р.Р. Российский зерновой экспорт: не повторять ошибок прошлого // ЭКО.– 2017.– № 1.– С. 5–19.
2. Антонов К.А., Шурбе В.З. Сельское население Сибири: вернуть людям смысл жизни на земле // ЭКО.– 2017.– № 1.– С. 39–57.
3. Галин В.Н. Социально демографический аспект деградации человеческого потенциала на селе // Вестник АПК Верхневолжья.– 2008.– № 2.– С. 91–96.
4. Крюков В.А. Забытые истины // ЭКО.– 2017.– № 1.– С. 2–4.
5. Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы в России.– М.: Ин-т Гайдара, 2010.– 116 с.: ил.(Научные труды / Ин-т экономической политики им. Е.Т. Гайдара; № 141Р).
6. Агафонов Г.М. Роль местных природных ресурсов в жизни сельского населения. Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: Материалы V международной научно-практической конференции. Секция: Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов.– Иркутск: Изд-во Иркутского ГАУ им. А.А. Ежовского, 2016.– С. 24–28.
7. Парфенов В.Ф. Комплекс в кедровом лесу.– М.: Лесн. пром-ть, 1979.– 240 с
8. Агафонов Г.М. Угрозы для кедровых лесов Хэнтэй-Чикойского нагорья. Актуальные проблемы лесного комплекса/под общей редакцией Е.А. Памфилова. Сб. научных трудов по итогам международной науч.-тех. конференции. Выпуск 31. - Брянск: БГИТА, 2012.– 215 с.
9. Зубаревич Н.В. Тренды в развитии кризиса в регионах// Экономическое развитие России.– 2016.– Т. 23.– № 3.– С. 89–92.
10. Малкина М.Ю., Балакин Р.В. Исследование налоговых поступлений в РФ, федеральных округах и регионах РФ с использованием логарифмического метода факторного анализа// Налоги и налогообложение.– 2016.– № 2.– С. 190–208.
11. Ostrom E. Governing the commons. The evolution of institution for collective actions. Cambridge University press.– 1990.– 642 p.
12. Ostrom E. A general framework for analyzing sustainability of social-ecological systems // Science.– 2009.– Vol. 325. – P. 419–422.
13. Калугина З.И., Нефедкин В.И., Фадеева О.П. Драйверы и барьеры сельской индустриализации // ЭКО.– 2017.– № 1.– С. 20–38.
14. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge, MA: MIT Press, 1991.
15. Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции// Вопросы экономики.– 2016.– № 11.– С. 5–23.
16. Farley J., Costanza R. Payments for Ecosystem Services: from local to global // Ecological economics.– 2010.– V. 69.– № 11.– P. 2069–2074.
17. Глазырина И.П. Платежи за экосистемные услуги и Хередианская декларация // Экономика природопользования.– 2012.– № 5.– С. 59–68.